

Наталья Макеева

Призрак войны

Киевский вокзал

Давай пойдём на Киевский вокзал,
С которого нам в Киев не уехать...
Мне кое-кто сегодня рассказал,
И смысла нет держать в большом секрете,

Что Киев—наш, осталось только взять,
Что нас там ждут с надеждой и тревогой.
С надеждою на вежливую рать,
Тревогою, что ждать придётся долго.

Прекрасный, бесконечно русский град
Под властью обезумевшего сброда.
И кто теперь доволен, кто же рад,
Что обернулась бойнею свобода?!

Да, мы придём, как много лет назад,—
Под ветра вой и шорохи лесные,
Ведь тысячи и тысячи солдат
Приказа ждут отправиться на Киев.

На Киевском вокзале, как всегда,
Лишь постоим мы у табло большого.
Не наши уезжают поезда.
Но... подождём немного. Наши—скоро!

Событие

*Посвящается Специальной
военной операции*

Мы возвращаемся в Историю—
Всему на свете вопреки.
И нам кричат, что нет, не стоило
На битву поднимать полки.

Мы снова стали неудобными,
Мы снова встали в полный рост!
Берём своё, родное, кровное.
Наш выбор радикально прост:

Собрать разбросанные камни,
Собрать себя из тех руин,
В которых мы, казалось, канули,
Где ты—один и я—один...

Но, рождены земли просторами,
Где бродит вольная гроза,
Мы возвращаемся в Историю
Сказать своё большое «Да!»

На блокпостах

На блокпостах—сиянье горних крыл
И крепкий чай, белёсый от сгущёнки.
Следы в седой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неспешный разговор
Под дальний «шум» и шорохи степные.
Там ходит кто, или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

— Кто здесь?

— Да тут стоял один,
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был, отпет по позывному...
Вон, за пригорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продрогшие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

Дорога

Змеятся обочины
Снежные терриконы
Дорога заносчива—
Слышишь покрывшек стоны?

Неба проталина
Фонарей шеренги
Песни оскаленные
Хором поют железным

Лёд магистрали
Указателей пугала
Холод усталости
Нас этой ночью путает

Тысяча километров
Призраки поворотов
Мечущегося света
Снежная позолота

Ветер пронизывает
Позёмка злится
Пашня иссиня-сизая
Очередь. Степь. Граница.

На ленте

На ленте, где встречаются миры
И брат не узнаёт при встрече брата,
История страны моей распята,
А новостные сводки так щедрты

На правду, и на ложь, и на другое,
И кровь сочится в текста кружевах,
И здравый смысл тут терпит полный крах,
Бредёт по свету выцветшее горе.

Оно ни стран не знает, ни времён,
Знамён не знает, старости и детства,
И этот мир лишается наследства
И валится в кошмарный новый сон.

На ленте, где встречаются миры,
Бредёт машин тугая вереница:
Кто в пекло, кто пытается укрыться
И знать не хочет правила игры.

А правил нет. Жизнь порвана и смята.
История напишется потом,
Когда на пепелище новый дом
Построит брат, не узнающий брата.

Пуля

*Мой гроб ещё шумит в лесу,
Он—дереву. Он нянчит гнёзда.
Франтишек Грубин*

Мой гроб птенцов качает в небесах,
Но пуля мне отлита до рожденья.
И в вязкой металлической тиши
Она от гильзы ждёт освобожденья.

Она почти полвека спит во тьме
Среди своих сестёр в коробке тесной.
Издали доносятся до них
Рыданья, хохот, выстрелы и песни.

В душистом масле часа пули ждут
Кусочками диковинного сыра
И, как плоды на грозди налитой,
Вот-вот сорвутся на просторы мира.

Им снится бесконечная страна
И ветра свист—горячего, степного—
Всего лишь раз... всего один аккорд...
Всего одно, но сказанное слово!

...Она отлита мне и только мне,
Её калибр до времени неведом...
Покуда спит—я буду шатуном
В людском лесу ходить за вами следом,

Заглядывать в окошки и глаза,
Переставляя шахматы и стулья,
Искать того, кто состоит в родстве
Со мной и пулей.

На третьем повороте точно съест
Тебя тоска и доглодает совесть.
Машина мчит, не сбрасывая скорость,
Из этих мест, из этих мест, из этих мест.

За поворотом вырастает лес—
Тревожен, непролазен и уныл.
И тишина, хоть кто-нибудь завыл,
Но ни души на сто миров окрест.

Так промолчи, молчи, молчи.
Весь мир укутал заговор молчанья.
Уходит время в придорожный гравий,
И воздух оглушающе звенит.

И никогда не знаешь, выйдет кто
К дороге из встревоженного леса,
Вот потому и не находишь места
И протираешь рукавом окно.

И никогда не знаешь, кто придёт
И сны твои непрошено разбавит.
Набатов сердце бьёт и убегает
За поворот, за поворот, за поворот.

На третьем повороте взвояет стая
С настоящей тоскою во главе.
Заснёшь и будешь странствовать извне,
Как прежде, ничего не понимая.

(На учениях «Кавказ-2020»)

Стакан мой полон,
Как поезд в Адъ.
Вот бы тебя
Ко мне в Волгоград.

На ковре-самолёте,
Военным бортом.
Плюсы и минусы—
На потом.

Грохочет гулко
Капустин Яр.
Слетает сокол,
Разит кинжал.

В дыму и гари
Земли клочок.
Песок в глазах,
И в зубах—песок.

Стакан мой полон.
Стакан мой пуст.

И, не сгорая,
Пылает куст.

Призрак войны

Доброго утра и мирного неба
Всем, кто проснётся сегодня в Москве,
Встанет и, чем-то опять недовольный,
Тяжко вздохнув, растворится в толпе.

Будет звонить он и слать сообщенья
В разные точки великой страны,
Чтобы случайно вдруг не заметить
Рядом стоящий призрак войны...

Призрак войны на фоне рекламы,
Призрак войны на фоне экрана,
Призрак войны на фоне обмана,
Призрак войны на фоне войны!

Что-то повисло в каждой минуте,
Порохом пахнет здесь и сейчас.
И, незаметная в общем веселье,
Злая тоска затаилась в глазах.

Яркое месиво жизни столичной,
Жажда свободы и чувство вины.
Призрак войны никогда не отступит.
Призрак войны, призрак войны!

Призрак войны на фоне рекламы,
Призрак войны на фоне экрана,
Призрак войны на фоне обмана,
Призрак войны на фоне войны!

Призрак войны, призрак войны...

Сердце

Анне Ревякиной, нарисовавшей сердце

У каждого, кто рисует,
А рисуют немного все,
Сердце бумажное где-то спрятано,
Странное в своей рукотворной красе.

Гуттаперчевое, колючее,
Скользящее, как всякий мяса кусок,—
Сердце, наружу рвущееся
И, покуда не вышел срок,

Бьющееся неукротимым пульсаром
В волнах багровых, в окружении алых рек.
Сердце бумажное мечется,
Хрупкий его человек

Кутается в одежду,
Кожу и прочий тлен,
Носит сердце бумажное
В коконе плотном вен.

...В мире сегодня холодно,
В мире почти зима.
Ветер листки бумажные
Треплет среди двора...

Крым

Тьма внутри, и тьма опять снаружи,
Воды бьются в острых берегах.
Лето, август, берег Крыма южный,
Гальки шум и шорохи песка.

Отблески над чёрной гложнут гладью,
Голоса глотает ветра вой.
Заливает мрак лихую память
И в пучину тянет за собой.

Этот мир не будет больше прежним,
Миру снится новая война.
Лабиринт нестройных отражений
В облаках рисует письма.

Завтра шторм утихнет, и на берег
Радостно посыплется народ.
И тугая отпускная нега
Городок, играя, обовьёт.

Где ты, буря? Где ты, смерти жало?
Солнечные блики на воде,
Музыка летит над сонным пляжем,
В мирной растворяясь суете.

Миру снится: он опять на грани,
На пределе лени и тепла.
Этот мир не будет больше прежним—
Миру снится новая война.

В октябре

Туман играет тенью за окном,
И магистраль бессонная грохочет.
Мой город М.—он никогда не спит,
Он слишком стар, его усталость точит.

Так старики впиваются во тьму
Прозрачными, незрячими глазами,
Боясь забыться и уйти бродить—
И заблудиться где-то между снами.

Я так давно не видела степи—
Бескрайнего, тревожного простора.
Там тоже, говорят, сейчас туман,
И снег придёт, наверно, до Покрова.

Мне пишут: «Неспокойно даже днём,
И с каждой ночью ближе фронт подходит.
Дрожат дома от близости такой,
И непонятно, кто и что отводит...»

Немеет степь под натиском зимы,
До лучших дней живое замирает.
Лишь тени над дорогою кружат,
В промозглом растворяются тумане.

Не на Ростов

Как странно, что лечу не на Ростов,
Как страшно, что Ростов не принимает...
Там в чёрные пакеты собирают
Ошмётки судеб и кошмарных снов.

И смерть в сухих клокочет новостях
Не с той, а с этой стороны границы.
За лентой «перемирие» шумит,
И здесь от горя трудно не напиться.

Дождь взлётную омоет полосу,
Запёкшуюся жуть предаст земле,
И пассажиров суетный поток,
Как прежде, заторопится на рейс...

Не взять билет заветный на Ростов,
Но не сегодня-завтра день настанет —
И воздух Новороссии родной
На М4 вновь меня поманит.

Анне Долгаревой

Девочка хочет сбежать с войны.
Девочке тридцать лет.
Гладит кота, наливает коньяк,
Смотрит на белый свет.

День просидеть, проглядеть в экран,
Кружево мыслей прясть.
Девочка, девочка, дом твой где? —
Тихо звучит опять.

Душу согреет в бокале мгла,
Пузо подставит кот,
И, может быть, по другой тропе
Девочки жизнь пойдёт.

Будто и не было ничего,
Словно пуста строка.
Девочка хочет сбежать с войны...
Вроде смогла — пока.

● ● ●
На танцполе безопасных мест
Не осталось, и бледнеют лица.
Это время с хрустом нас поест
Под холодный свет огней столицы.

Как они безудержно горят...
Слышишь, подступает дискотека?
В этом свете растворился яд,
И провизор давится от смеха,

Корчит рожи, масло льёт в огонь
На потеху новостным сюжетам...
И любой вопрос глотает он,
Не спеша побаловать ответом.

Музыка всё громче, веселей!
Не спеши на радостях напиться.
Слышишь, время ест своих детей
Под мертвящий свет огней столицы?

Хождение по мукам

За стенами всё непонятно,
И даже деревья в наклон.
Пейзаж, так нелепо помятый,
Со всех наступают сторон.

Понятен лишь лист зачерствелый
В прогорклой мензурке вина,
И терпкие выстрелов тени
В бездонном проёме окна.

Я пылью пишу Мону Лизу
На ощупь на пыльном полу...
К чему недомолвки, сюрпризы
И вздохи на злую Луну?

Не стоит. В дыму перемены
Ко мне, спотыкаясь, бредут.
И нет ни покоя, ни смены
Ни там, и ни здесь, и ни тут.

Возвращение

Я не знаю, в какой мы области,
Бесконечность зелёного цвета,
На предельной несёмся скорости,
М4, прости нам это.

Всё живое, а мы — холодные.
С места брошенный взгляд мой каменный
Разбивает поля дородные
И деревьев стволы хрустальные.

После нас — листопад и изморозь,
Пятна чёрные в поле стынут,
Псы голодные рвутся с привязи,
Край заброшен, и дом покинут.

Эта трасса видала многих.
Мы ведь тоже на ней проездом.
Завтра раны залечит поле,
И посадки проснутся лесом.